

*Александр Александрович СИНОГЕЙКИН —
аспирант кафедры эмпирической
социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета
(г. Барнаул)
updmak@rambler.ru
esik@socio.asu.ru*

УДК 316.334.3:32

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА**

**THEORETIC-METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF TERRORISM SOCIOLOGICAL RESEARCH**

АННОТАЦИЯ. В статье ставятся некоторые вопросы, нерешенность которых сдерживает дальнейшее развитие социологических исследований террористической и антитеррористической деятельности в современной России. Предложенное решение этих вопросов не претендует на истину в последней инстанции, но вносит лепту в разработку понятийного аппарата социологических исследований феномена терроризма.

SUMMARY. The following article formulates some problems that are essential for further development of sociological research of terrorist and anti-terrorist activity in today's Russia. The solution of these problems offered in the article does not claim to be perfect, although it should contribute to the working out of terminological base of terrorism sociological research of terrorism as a phenomenon.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Терроризм; террор; квазитерроризм; протестное поведение; социальный конфликт.

KEY WORDS. Terrorism, terror, quasi-terrorism, protesting behaviour, social conflict.

В современных международных и российских условиях актуализируется проблематика терроризма, растет потребность не только в оперативной антитеррористической деятельности, но и в научных исследованиях данного феномена, в выработке социологически обоснованных рекомендаций по профилактике терроризма. Особую остроту эти проблемы приобрели в ситуации глобального экономического кризиса, обострившего социальные и политические конфликты, активизировавшего протестное поведение социальных групп, в наибольшей мере страдающих от безработицы, бедности, безысходности, ущемления профессионального, национального, семейного и личностного достоинства людей.

С сожалением приходится констатировать факт отсутствия в социологии научно выверенной дефиниции терроризма. Даже в энциклопедическом социологическом словаре понятия «терроризм» нет. Вместо него здесь определяются категории «террор» и «международный терроризм» [1; 816]. Однако и в том, и в другом случае речь идет не о сущности определяемых явлений, а о формах их проявлений — политике запугивания, насилия, нагнетания страха, расправе с политическими противниками вплоть до их физического уничтожения, захвате заложников, насильственных угонах воздушных судов, пиратстве, нападениях на помещения посольств и прогрессивных организаций и других аналогичных преступлениях. При этом, правда, указывается общая цель всех террористов — намерение изменить внутреннюю и/или внешнюю политику определенного государства.

Любопытно заметить, что атрибутивно-формальное определение террора, данное в энциклопедическом социологическом словаре, фактически (и во многом текстуально) совпадает с толкованиями этого термина, предложенными Словарем иностранных слов, изданном еще в 1954 г. [2; 687], электронным изданием Толкового словаря иностранных слов 2003 г. [3], Политологическим энциклопедическим словарем [4; 372], Военным энциклопедическим словарем [5; 736], а также специально изданным Антитеррористическим центром государственных участников СНГ Словарем основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма (2003 г.) [6; 29]. Это обстоятельство — наглядное подтверждение тезиса о недоосмысленности социологами сущности и специфики терроризма как социального феномена.

Вторым доводом в пользу данного тезиса выступает путаница категорий «террор» и «терроризм», что «приводит к невозможности провести разграничение между различными явлениями, порождает неразрешимые противоречия и заводит исследователей в тупик» [7; 46-47]. Цитируемые далее авторы справедливо замечают, что при всем словесном созвучии этих понятий они отражают разные явления действительности.

По мнению О.В. Будницкого, террор — это «насилие, применяемое государством, насилие со стороны «сильного»», а терроризм — «насилие со стороны оппозиции, со стороны «слабого»» [8; 6]. Аналогично рассуждают В.И. Замкова, М.З. Ильчиков [9; 9], Н.Н. Кудрина [10; 12], В.С. Комиссаров [11; 40] и многие другие авторы.

Вторая позиция по вопросу соотношения данных понятий представлена М.М. Родионовым, В.В. Припечкиным [12; 24] и иными исследователями, рассматривающими террор как одну из разновидностей терроризма. Третий подход выражает В.П. Емельянов, различающий террор и терроризм по следующим признакам:

1) террор, в отличие от терроризма, не однократно совершаемый акт, а серия подобных актов;

2) террор носит массовый характер, воздействуя на неограниченно большой круг людей, а терроризм — единично-выборочный характер, нацеленный на принуждение к определенному поведению только политических противников;

3) террор применяется субъектами официально установленной власти, а терроризм — субъектами, стремящимися к власти;

4) террор — социально-политический феномен, а терроризм — явление уголовно-правового порядка [13; 66]; [14; 67-68].

С.А. Эфиров рассуждает принципиально иначе. Для него «терроризм» — понятие, объединяющее все виды государственного и антигосударственного террора [15; 24]. В том же духе пишет Ю.М. Антонян, понимающий под террором все действия, нацеленные на реализацию политики терроризма в течение достаточно длительного времени, на значительной территории и в отношении большого количества людей [16; 11]. В связи с этим Ю.М. Антонян считает нужным различать политический, государственный, религиозный, националистический, военный, криминальный, корыстный и другие виды терроризма [16; 33-41]. При этом вопрос о том, на каком логико-теоретическом основании строится данная типология терроризма, остается за пределами рассуждений Ю.М. Антоняна.

Иного мнения придерживается юридическая наука, так в Федеральном законе РФ от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму», терроризм определяется как: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [17; 3].

Однако попытки определить одно неизвестное через другое неизвестное, разумеется, малопродуктивны. Более эвристичны варианты теоретизирования, нацеленные на «вписывание» понятия «терроризм» в систему уже устоявшихся социологических категорий, т.е. его экспликации.

В этом контексте заслуживают внимания интерпретации сущности терроризма в качестве:

а) специфической идеологии и особой системы духовных ценностей [18; 38]; [19; 92];

б) политики, точнее, стратегии и тактики, практических антигосударственных действий [6; 3];

в) системно организованной деятельности определенных политических сил [7; 58];

г) криминализованного социально-политического конфликта [10; 5]; [16; 33];

д) метода, посредством которого организованная группа стремится достичь своих целей через систематическое использование насилия и культивирование страхов населения перед реальными и мнимыми угрозами [20; 2]; [21; 27];

е) наиболее радикальной формы социального протеста, выходящей за рамки легитимности [22; 43]; [23; 10];

ж) направления социального движения (как стихийного, так и организованного) бедных и униженных групп населения, добивающихся изменения политики властей [7; 45-60].

Перечень вышеперечисленных атрибутивных характеристик обеспечивает более или менее полное представление о многогранности и разносторонности феномена терроризма, но не дает искомой дефиниции, т.к. не решает (а лишь ставит) вопрос о системообразующем признаке, на основе которого теоретически можно и методологически должно все эти характеристики синтезировать.

Таким образом, под терроризмом автор предлагает понимать проявления различных форм антисоциального поведения индивидов, групп, организаций, институтов, выраженных в актах запугивания, причинении вреда, воздействии на психику и сознание людей в целях формирования необходимого общественного мнения, для реализации своих интересов.

Разные авторы выдвигают свои версии систематизирующего атрибута дефиниции терроризма, делая тем самым дискуссионными многие вопросы эмпирико-социологического свойства, например, вопросы о соотношении терроризма и социального протеста, ныне остро стоящих перед социологами, изучающими состояние и тенденции изменений социальной безопасности россиян. Напомним, что в ст. 7 Федерального закона «О безопасности» указывается, что при обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Поэтому исследователи проблематики безопасности испытывают немало трудностей при разграничении террористических и легитимных протестных действий.

Автор этих строк участвовал в межрегиональном исследовании проблематики социальной безопасности, где в одном из блоков рассматривался терроризм. Исследование было проведено в 2006 г., в нем приняли участие 1702 респондента, репрезентирующих взрослых жителей Алтайского края, республики Алтай, Кемеровской, Новосибирской и Читинской областей по признакам пола, возраста, занятости в народном хозяйстве, социального статуса и уровню материального достатка.

В основу методологического анализа полученных данных была заложена классификация сфер терроризма Д.В. Ольшанского: информационный террор, по-

литический террор, экономический террор, социальный терроризм [19; 29-30]. Для более глубокого осмысления терроризма был проведен анализ полученных результатов социологического исследования. В табл. 1 приведены данные по вопросу «Значимость проблемы терроризма среди населения Сибирского региона».

Таблица 1

Значимость проблемы терроризма среди населения Сибирского региона

1. Самое важное место	3.8%
2. Одно из самых важных мест	33.3%
3. Такое же место, как и целый ряд других проблем	41.6%
4. Далекое не самое важное место	18.7%
5. Затрудняюсь ответить	2.6%
Всего	100.0%

Говоря о значимости проблемы терроризма для населения Сибирского региона, с уверенностью можно констатировать, что данная проблема занимает одно из ведущих мест в жизни граждан — 41,6%.

Далее были рассмотрены формы самооценки террористического поведения населения, где 60,3% респондентов отнесли себя к лицам, периодически участвующим в сфере информационного терроризма (личное осуждение в кругу семьи политических событий, то есть создание «слухов — агрессии»).

Также в результате исследования было выявлено, что 30% опрошенных относят себя к лицам, выражающим свое антисоциальное поведение в политической сфере терроризма. Из них 26% участвовали в митингах, пикетах и демонстрациях; 4% — в забастовках и угрозах забастовок; 0,3% — в демонстративных голодовках; 0,4% — в насильственных блокировках административных зданий и перекрытиях центральных транспортных магистралей; 0,2% — оказывали сопротивление властям с применением технических средств и какого-либо оружия; 1,5% — в иных акциях протеста против действий некоторых чиновников, пользующихся властными полномочиями. Не менее показательны данные о намерениях опрошенных проявлять свой протест против действий (чаще бездействия) властей в ближайшем будущем. На участие в митингах, демонстрациях и пикетированиях ориентируется каждый пятый респондент (20,1%); на забастовки — 1,8%; на публичные голодовки — 0,6%; на блокирование дорог и мест расположения органов власти — 0,2%; на другие акции социального протеста — 1,2%, в том числе с использованием радикальных форм сопротивления властям и ее некоторым представителям — 0,8%. 7,2% опрошенного населения представлены как лица, периодически участвующие в сфере экономического терроризма. Из них: 40,7% тем или иным путем «уходят» от уплаты ежегодных налогов, 8,6% отказываются или несвоевременно производят оплату коммунальных платежей, 1,3% пользуются не своими льготами и т.п.

Очевидно, что подавляющее большинство населения демонстрирует своим поведением «социальный терроризм», направленный против плохих условий своей жизни, и не используют легитимные права в борьбе за улучшение жизненного уровня. Но утвердиться в истинности данной гипотезы на основе ныне используемого теоретико-методологического аппарата социологии, к сожалению, пока нельзя.

Предложенное в статье понимание сущности терроризма позволяет внести определенное решение в одну из дискуссионных проблем — насколько правомочно применять категорию «терроризм» к многообразию антисоциального поведения населения. Так как похожие на терроризм по формальным признакам

виды деятельности, не выражающие сущности этого явления, пока не получили своего адекватного обозначения в науке.

Автор предлагает всю совокупность таких действий назвать «квазитерроризмом». Введение этого понятия в социологический лексикон, как показал опыт исследований алтайской социологической школы, позволит скорректировать теоретический и методический инструментарий исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический социологический словарь // Под ред. Г.В. Осипова. ИСПИ РАН, М., 1995. С. 816.
2. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. М., 1954. С. 687.
3. Толковый словарь иностранных слов / Под ред. Л.П. Крысина // Электронное издание. Компания по выпуску электронных изданий на CD-ROM «Кирилл и Мефодий». 2003.
4. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 372.
5. Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 736.
6. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. М., 2003. С. 29.
7. Бахтин С.И., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Террор-антитеррор: сибирское измерение. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. 204 с.
8. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 4-6.
9. Замкова В.И., Ильчиков М.З. Терроризм — глобальная проблема современности. М., 1996. С. 8-9.
10. Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
11. Комиссаров В.С., Емельянов В.П. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1999. № 5. С. 38-40.
12. Родионов М.М., Припечкин В.В. Феномен терроризма: реальность и творческое осмысление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 1. С. 23-25.
13. Емельянов В.П. Терроризм как явление и как состав преступления. Харьков, 1999. С. 66.
14. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. М., 2000. С. 67-68.
15. Эфиров С.А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 23-24.
16. Антонян Ю.М. Терроризм: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. 306 с.
17. Федеральный закон РФ от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта. С. 3-4.
18. Легойда В. Может ли демократия победить терроризм? // Новая политика. 2004. № 10. С. 38
19. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
20. Викторов А.Ш. Современный терроризм и безопасность (теоретико-методологические аспекты социологического анализа) // Ломоносовские чтения 2004 г.: Россия и социальные изменения в современном мире. Т. 2 // <http://lib.socio.msu.ru/1/library>
21. Растов Ю.Е. Теоретико-методологические проблемы социологического анализа конфликтности локальных социумов. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1997. 203 с.
22. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 43-44.
23. Растов Ю.Е. Протестное поведение в регионе // СоцИс. 1996. № 6. С. 40-49.